

Верстах в 12 от Полевского завода есть Глубочинский пруд. Красивый, тихий уголок в раме хвойного леса.

Рыбы здесь раньше было полным-полно и птицы тоже немало. Это было заповедное место, где рыбачили и охотились только сам владелец да высшая заводская знать.

Полевчане иной раз рыбачили контрабандой, но почти всегда без успеха. Сторожа зорко следили за каждым появившимся на берегу человеком. Охрана к тому же была очень проста, так как пруд был невелик и весь на виду, – никаких заливов, по-заводски «отног», не было.

Редко кому удавалось перехитрить глубочинских сторожей. В большинстве же они ловко накрывали контрабандиста-рыболова и отбирали весь улов и рыболовный снаряд. Охотники платились больше – у них отбиралось ружье.

Озлобленные полевские рыбаки пытались было спустить рыбу, разломав решетки в плотине, но из этого тоже ничего не получилось: не рассчитали хода рыбы да и помешало особое устройство пруда, о чем будет ниже.

У плотины, кроме сторожевого домика, был построен для гостей довольно просторный «господский дом».

Нельзя сказать, чтобы сюда наезжали часто. Для увеселительных поездок в лес это было далеко, да и дорога туда была не из важных. Пьянствовать с таким же успехом можно было гораздо ближе, а удовольствие тихого глухого уголка из всей заводской знати было доступно, видимо, только владельцу, который иногда жывал здесь не по одной неделе.

Был потом в этом доме и постоянный жилец – брат заводовладельца, отставной гусарский ротмистр. Раньше он жил в Питере и, как слышно, «гусарствовал» во-всю, пока не «прогусарил» причитавшейся ему части владения. Когда не стало возможности «гусарить», он явился на заводы и здесь «шалыганил» до конца жизни. «Шалыганство», впрочем, было безобидное: ходил в рубахе-косоворотке и плисовых кучерских штанах, иногда надевал лапти и бродяжил с ружьем по лесам, пока не осел крепко в домике на Глубочинском пруду. Здесь он жил несколько лет безвыездно: рыбачил, охотился и жестоко глушил сивуху.

Отношение заводской знати к этому пропившемуся гусару было презрительное, рабочие смотрели на него с насмешкой, иногда пользовались его слабостью: объявится кто-нибудь компаньоном по пьяному делу, глядишь – везет пуда два-три рыбы. Ее было так много, что никак не поймешь, почему все-таки не давали ловить даже удочками.

Получалось забавное положение. Рыбачить на Глубочинском пруду было интересно только контрабандой. Здесь надо было осторожно пробраться мимо сторожевого домика, выбрать где-нибудь местечко в кустарнике на берегу, устроиться так, чтобы не видно было, как закидываешь удочку и вытаскиваешь рыбу. Если прибавить к этому постоянный риск попасться сторожу, то интерес рыболовства понятен. Это для любителей.

Для промышлявших рыбной ловлей интерес тоже был – наловить в час-два столько, сколько в другом месте не поймашь сетями в течение нескольких дней.

Но вот какой интерес был владельцу или его пропойному брату – это непонятно. Выехать на лодке, закинуть удочку и сейчас же тащить добычу, которую часто некуда девать: для еды нужно немного, заниматься рыбной торговлей не приходилось. И получалось положение: собака на сене – ни себе ни людям.

Рыбный садок, красивый лесной угол – это не самое главное для Глубочинского пруда. Пруд замечателен с другой стороны. Сооружался он во всяком случае не для того, чтобы разводить там рыбу. Это уже потом прибавилось. Расчеты были другие, более серьезные.

Дело в том, что Полевской заводской пруд питается пятью или шестью маленькими речками, из которых только Полевая и Ельнишная побольше ручьев. В засушливые годы речушки дают воды совсем мало, и дешевой водной силой Полевской завод пользоваться не мог.

Неподалеку от пруда есть еще речка – Глубокая, но она впадает в реку Чусовую. И заводские экономисты сообразили: – запрудить Глубокую, прорыть соединительную канаву, и Полевской пруд будет обеспечен запасом воды. Стоит напустить через соединительную канаву, сколько надо, – и работай себе на дешевке.

За этот проект ухватились как полевское заводоуправление, так и главное начальство округа. Живо отыскивали «подходящего человека», который раньше околачивался по плотничным работам, и дело закипело. «Кипело» оно довольно долго и не без выгоды для «главного строителя». По крайней мере, когда его прогнали, так он сразу же купил несколько домов и открыл две лавки с «красным товаром» тут же в Полевском заводе. И надо сказать, что это никого не удивило. Известно ведь: у хлеба – не без крох. А тут ни много, ни мало прошло денег, а около миллиона рублей. Было от чего остаться.

После «выгонки строителя» наступило разочарование, сменили даже полевское начальство, но работы решили заканчивать.

И тут только смекнули толком пронивеллировать местность. Нивеллировка и раньше производилась, но «по-плотничному» и на-глаз больше, а когда ходили с инструментами, то нашли «ошибочку». Речка Глубокая оказалась на одиннадцать аршин ниже речушек, питающих Полевской пруд. Нужно было скопить, значит, свыше десятка аршин «мертвой воды», чтобы пользоваться следующими. Расширить водоем не позволял рельеф местности, да и основные работы по устройству плотины были уж сделаны — миллион ведь убухали, не переделывать же все заново! И то сказать, речка Глубокая все же была только речка, – при расширении размера пруда она не могла бы дать высокого подъема воды. Пришлось выкручиваться «как-нибудь», чтобы не все пропало. И толк получился очень небольшой: в редкие годы Глубочинский пруд мог служить кой-каким подспорьем для Полевского. Плотину между тем Глубокая просасывала основательно и чуть не каждый год приходилось ее чинить. Поневоле после такого конфуза начнешь «разводить рыбку» и будешь ее так строго охранять. Уж очень эта рыбка дорого стоила!